

Глава 2

Золотое правило нашего ремесла

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

Ну, я приврала немного, слегка подтасовала факты. Такие вещи с первого раза не пишутся. Семестр-другой приходится попотеть, чтобы понять, как рождается проза. Как семечко обыкновенного случая превращается в деревце рассказа? На этот вопрос хорошо ответил поэт Геннадий Шпаликов:

Бываю крылья у художников,
Портных и железнодорожников...
Но лишь художники открыли,
Как прорастают эти крылья.
А прорастают они так:
Из ничего, из ниоткуда.
Нет объяснения у чуда.
И я на это не мастак.

Не думайте, что я учу вас быть писателем. Научить этому нельзя. Просто некоторые люди рождаются со своей песенкой в сердце. Она там звучит и рвется наружу. Вот это и есть писатель. Я только могу показать, как ПРИХВАТИТЬ НАТУРУ. Скорее это относится не к искусству, а к ремеслу художника — пишущего, рассказывающего, показывающего картины Существования.

Тут есть несколько железных правил и одно золотое.

Первое, золотое, провозгласил Сент-Экзюпери: «Учиться нужно не писать, а видеть!»

Для этого в хорошую погоду я вытаскиваю вас из аудитории на улицу, мы идем все вместе — куда глаза глядят, и по дороге я показываю такие вещи, которые вы обязательно прошляпите. Когда-то в середине апреля, ранней

весной, в старых арбатских переулках мы заприметили высокое окно. В окно — вы помните? — смотрел стриженый мальчик. А за его спиной стояла елка, наряженная, вся в огнях, со шпилем на верхушке. Еще раз повторяю: была ранняя весна — и вся эта картина походила на сон.

Мы видим на домах фигуры львов или сирен, крылатых сфинксов, которых никогда до этого не замечали. Заглядываем в подъезды, подворотни, бесстрашно («Ведь все мы филологи», — говорила Анна Ахматова), читаем надписи на стенах и заборах. Кстати, попадаются гениальные! В Колпачном переулке мелом на каменной ограде запечатлены великие письмена:

«МИША! Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!
Катя.
И СПАСИБО ЗА ТУ НОЧЬ...»

Был смешной случай. Лариска Горячева курса два не могла прихватить никакую натуру. О чем бы она ни бралась написать — одни общие места, ни одной интересной детали. Ну, мы с ней вдвоем и отправились «на охоту». Я ей говорю: «Смотри! Смотри! Гляди, какой пес бежит, — этот окрас знаешь, как называется?» Она: «Как?» Я: «Соль с перцем! А эта мороженщица, ты заметила (было лето), в валенках стоит! Теперь отвечай: что смешного в том объявлении на киоске: “Продавец отошла?” Думай, думай, — кричу я ей. — Наблюдай!»

Пытаюсь расшевелить.

Тем временем мы с ней стоим у проезжей части дороги, и прямо перед нами проезжает асфальтовый каток. Там сидят два чумазых обалдуя, и они нам с Лариской, а может, только ей, о б а посылают воздушный поцелуй!

Я мгновенно им шлю ответный. А Лариска застыла как статуя — никакой реакции.

Я — строго:

— Ты видела, что тебе с асфальтового катка был послан поцелуй?

Она — вяло:

— Видела...

— Почему ты на него не ответила — хотя бы взглядом или улыбкой?

Молчит угрюмо.

Я говорю:

— Лариска! Это наш возлюбленный город! И кругом наши возлюбленные горожане! Ты должна хоть как-то соответствовать этой струящейся отовсюду любви.

А тут навстречу нам идет мой дружок — великий сказочник современности Сергей Седов. Увидев нас, он издалека распахивает объятия и с этими вот распахнутыми объятиями неуклонно надвигается на нас с Лариской. Лариска в ужасе смотрит на меня, а я молчу, не признаюсь, что это мой знакомый. Тогда она — обреченно, как агнец на заклание, — плетется дальше. Седов самым сердечным образом обнимает ее, блаженно прикрыв глаза, а мне говорит:

— ...Молоденькая! Не то что ты — старая кошелка!

Вскоре после этой прогулки Лариска написала свой знаменитый рассказ «Канарский воздух». О том, как они, отдыхая с семьей на Канарадах, присмотрели там шкаф и привезли его в Москву.

Бабушка чуть в обморок не упала.

— Вы с ума сошли! — говорит. — Зачем вы приперли с Канар этот шкаф?

(Ну, что-то вроде того, я рассказываю как помню.)

А мама с папой Ларискины отвечают:

— Это мы тебе просто привезли канарский воздух.

Тут они распахнули двери комода, купленного на Канарадах, и оттуда повеяло морем и ветром и послышались крики чаек.

Фото Игоря Мухина

Кажется, дело происходит на остановке, все чего-то ждут. «Укол» по Ролану Барту здесь — в разобщенности фигур, отсутствии раскованности, мы видим одиночество каждого в отдельности человека в толпе, наше собственное одиночество, а главное — космическое одиночество этого человека. О нем, стоящем в центре, можно написать целую повесть — посмотрите на черты его лица, на его уши, руки... На его полосатую рубашку и клетчатый пиджак. Здесь каждый предельно одинок. Как будто люди выброшены из океана сознания на берег жизни.

Способность ясно видеть и глубоко проникать в увиденное — магический дар, к таким ясно видящим людям я всегда испытывала благоговейное чувство, старалась изо всех сил научиться у них, если они позволяли, — ходила за ними, пыталась поглядеть вокруг их глазами.

Однажды Юрий Коваль попросил меня написать предисловие к его книге, которая готовилась выйти в «Золотой библиотеке» издательства «Детская литература». Тогда я в свою очередь попросила старшего брата Юрия Иосифовича, профессора Бориса Коваля, рассказать о Юре — мне хотелось больше узнать об их детстве.

И он рассказал, как вечно поражался тому, что они с Юрай гуляли в одном дворе, ходили в одну школу, летом отдыхали на одной даче, практически вид открывался на каждом шагу один и тот же! Но то, что видел Юра, не видел никто. Он был как фокусник, ап! — и появляется дивный рассказ «Картофельная собака».

И все изумлены: ведь этого Тузика видели тысячу раз, хорошо знали дядьку Акима Ильича и его мешки с картошкой, но в общих чертах, на поверхности. А он, Юра, видел и Акима Ильича, и Тузика насквозь, он их жарко любил, он внимал каждому их проявлению, эти проявления накапливал — в голове или в дневнике, строго отбирал. Потом это все соединил, досоздал, дофантизировал, и в итоге:

«Картошка хорошая! — лукаво кричал Аким Ильич. — Яблоки, а не картошка. Антоновка! — Тут Аким Ильич вынул из котелка отваренную картофелину и мигом содрал с нее мундир, сказавши “Пирожное”...

— Дядь! — кричали издали ребятишки, когда я прогуливался с Тузиком. — А почему она картофельная?

В ответ я доставал картофелину и кидал Тузику. Он ловко, как жонглер, ловил ее на лету и мигом разгрызal. Крахмальный сок струился по его кавалерийским усам».

Спелая, сочная проза рождается у человека с объемным ярким видением мира. Как говорил художник Винсент Ван Гог: «Видеть надо все, как при свете молнии!»

Вот и мы теперь с вами — само внимание. Мы идем и подмечаем: трещины на асфальте, крыши домов и облака, отраженные в лужах, графику облетевших ноябрьских деревьев, броуновское движение случайных прохожих, летящих листвьев, падающего снега. Каждое проявление жизни драгоценно для нас: чужое лицо, звук шагов, походка, взгляд, профиль, поднятый воротник, пальто, ботинки...

— Всегда первым делом смотрите на ботинки! — я не устаю повторять. — Они вам в с е скажут о человеке.

Я с ума схожу, когда смотрю на ботинки людей: особенно в вагоне метро это выглядит колоритно. Чудовищную нежность я испытываю к носителям ботинок.

Наверное, об этой нежности Денис Батяев в своем сочинении написал: «Степанова Ленка считает, что красоты в мире гораздо больше, чем уродства. А Марина Москвина считает, что уродства нет вообще».

Вы, конечно, замечали, что случайные предметы, брошенные людьми, казалось бы, отжившие свой век, начинают жить сами по себе. Особенно одежда, покинутая хозяевами. А тут, понимаете, галоши.

Мудрые изречения почерпнула я из размышлений о галошах концептуалиста Леонида Тишкова:

«Галоши говорят о человеке больше, чем письмо, написанное любимой девушке. В письме он солжет, галоши его выдадут».

Его же стихотворение, будто комментарий к фотографии Натальи Куликовой:

Забытые галоши
человек ушел
покинул этот мир
галоши его остались.
Смотрю на галоши
и слезы текут
из моих глаз.

А скрученный на берегу шланг, словно шланг водолаза, который сбросил башмаки, отрезал шланг и воспарил на небо.

